

На правах рукописи

ПОЛЯН

Александра Леонидовна

**Поэтический текст на «спящем» языке в условиях многоязычия
(на материале поэзии на иврите III–XIX вв.)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2015

Работа выполнена в отделе теоретического и прикладного языкознания
Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт
языкознания Российской академии наук»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИЯз РАН
Азарова Наталия Михайловна

Официальные оппоненты:

Шмелев Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, заведующий
отделом культуры русской речи Института русского языка РАН

Парижский Семен Георгиевич, кандидат филологических наук, доцент
Петербургского института иудаики

Ведущая организация:

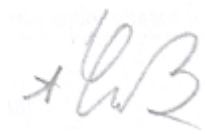
ФГБУН «Институт восточных рукописей Российской академии наук»

Защита состоится «24» марта 2016 года в 13.00 часов на заседании совета
Д.002.006.03 в Институте языкознания Российской академии наук по адресу:
Москва 125009 Б. Кисловский пер., д.1, стр.1.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Института языкознания Российской академии наук по адресу: Москва 125009
Б. Кисловский пер., д.1, стр.1.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 года.

Ученый секретарь совета

Сидельцев Андрей Владимирович

Общая характеристика работы

Данная работа посвящена исследованию особенностей поэтических текстов, созданных в многоязычном обществе на языке, вышедшем из разговорного употребления. Выявить эти особенности позволяет обращение к **ивриту III–XIX вв. н.э.**¹. В отличие от традиции, называющей этот язык мертвым, мы предпочитаем пользоваться более корректным с точки зрения современной лингвистики термином *спящий язык*. Под **спящим языком** понимается язык, который практически перестал употребляться в устной спонтанной коммуникации, однако продолжает использоваться в других сферах: на нем воспроизводятся и передаются из поколения в поколение старые тексты, создаются новые. Мы исходим из предположения, что в языковом отношении поэтические тексты, написанные на спящем языке, отличаются от текстов на языке живом.

Актуальность исследования определяется растущим в современной лингвистике интересом к исследованию текстов на мертвых языках в аспектах, которые обычно изучались на материале живых языков: (Успенский 1983, 1987; Шапир 1997; Молина, Сидельцев 2014; Spolsky 1975; Seemann 1983; Mostert 2012). В современной социолингвистике отмечается популярность тем, связанных со смертью и возрождением языка. Анализируются возможности существования языка после утраты им отдельных сфер функционирования, оцениваются перспективы возврата этих сфер (работы Х. Рабина, Т. Цунода, Х.-Ю. Зассе, Л. Хинтон, К. Лобо, Н. Варнер, К. Луна, Л. Батлер). Одним из основных подходов в современной лингвистике является дискурсивно-коммуникативный, причем в последнее время дискурсивный анализ применяется ко все более широкому кругу языковых практик (Демьянков 2002; Шмелев 2002; Гиппиус 2012; Вдовиченко 2014; Van Dijk 1998, 2000, 2004; Miller 1999; Lyavdansky 2010). Поэтому **актуальным** представляется исследовать современными лингвистическими методами поэзию на спящем языке как особую коммуникативно-дискурсивную практику и одну из сфер употребления языка, обладающего высоким статусом.

Объектом исследования является поэзия на спящем языке как особая коммуникативно-дискурсивная практика.

Предмет исследования составляют комплекс параметров поэтических текстов на спящем языке и факторы, определяющие структуру и язык этих текстов, прежде всего – языковая ситуация в обществе.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать взаимозависимость языковой ситуации (многоязычия) и параметров структуры и бытования поэтических текстов на спящем языке.

¹ В вопросе наименования рассматриваемого языка мы следуем за традицией, сложившейся в русскоязычной гебраистике за последние 25 лет: для обозначения языка Библии и позднейших его изводов используется термин *иврит* (библейский иврит, мишнаитский иврит, средневековый иврит, иврит еврейского Просвещения, современный израильский иврит). Это терминопотребление более удобно, чем номенклатура, принятая в русской дореволюционной и советской лингвистической традиции: *древнееврейский язык* (язык Библии), *еврейский язык* (идиш) и – с середины XX в. – *современный древнееврейский язык* (израильский иврит).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать дихотомию *живой – мертвый язык* применительно к поэтическим текстам на иврите с целью обоснования термина «спящий язык».
2. Определить языковые параметры ивритоязычной поэзии как особой дискурсивной практики.
3. Выявить и описать реализацию параметра *письменное–устное* для поэзии на иврите в разные эпохи: выяснить, предполагалась ли рецитация поэтических текстов, и выявить следы устного бытования поэтических текстов.
4. Описать метрику исследуемой поэзии в диахронии с целью установить, какие языковые и неязыковые факторы влияют на изменения метрики в разные исторические эпохи, и построить модели этих изменений.
5. Описать состав корпуса прецедентных текстов для поэзии на иврите, реконструировать метатекстовую и метаязыковую рефлексивность поэтов и построить модели ее соотношения со стиховой организацией текста.
6. Выявить влияние языковой ситуации в обществе на языковые параметры поэтического текста на спящем языке.

Материалом для диссертационного исследования послужила поэзия на иврите, созданная в тот период, когда он не был разговорным языком: III–XIX вв. н.э. Исследованы стихотворные тексты разного объема (от двух строк до 200 страниц) общим объемом ок. 50 000 строк. Хронологически и географически эти тексты можно классифицировать следующим образом:

1. Византийская поэзия на иврите, III–IX вв. (титупольная культура – грекоязычная, вернакуляр еврейской общины – арамейский и еврейско-греческий).
2. Еврейская поэзия в Испании, X–XIII вв. (язык титульной культуры – арабский, вернакуляр еврейской общины – иудео-арабский).
3. Еврейская поэзия в Италии, XIII–XIX вв. (языки титульной культуры – латынь и итальянский, вернакуляр еврейской общины – еврейско-итальянский).
4. Поэзия еврейского Просвещения в Германии и Восточной Европе, XVIII–XIX вв. (языки титульных культур – немецкий, русский, вернакуляр еврейской общины – идиш).
5. Постпросветительская еврейская поэзия Восточной Европы (язык титульной культуры – русский, вернакуляр еврейской общины – идиш).

Научной и теоретической базой исследования послужили работы по теории дискурса и текста Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.З. Демьянкова, Т.Б. Радбиля, А.Д. Шмелева, И.Р. Гальперина, А.А. Кибрика, Н.М. Азаровой, А.В. Вдовиченко, Ю.Н. Караулова, Э. Бенвениста, Т. ван Дейка, Р. де Богранда, В. Дресслера, М. Хэллдея, Р. Хасан, работы по социолингвистике Н.Б. Вахтина, Е.В. Головки, В.М. Солнцева и В.Ю. Михальченко, Ч. Фергюсона, М. Вайнрайха, У. Вайнрайха,

Дж. Фишмана, Х. Рабина, Х.-Ю. Зассе, И. Эвен-Зоғара, работы по соотношению категорий устного и письменного В.М. Алпатова, У. Чейфа, М. Перри, А. Лорда, Р. Финнеган, В. Онга, Дж. Фоли и др., работы по стиховедению В.М. Жирмунского, М.Л. Гаспарова, Р.О. Якобсона, П.А. Руднева, М.И. Шапира, В.А. Плунгяна, Б. Харшава, И. Бакона; работы по гебраистике и семитологии А.Б. Куделина, Д.В. Фролова, А.К. Лявданского, М. Хака, Н. Шапира, А. Цемаха, У. Шавита, Э. Флейшера, Д. Пагиса, Й. Яғалома, А. Беншаломы, И. Голомба, Л. Ланцмана, Г. Бергштрессера, А. Бендавида, Х. Розена, Е. Кауфмана, А. Саенс-Бадийоса, Ш. Элицур, А. Авронина, Б. Шахевича, Й. Гаэфрати, М. Пелли.

Метод исследования – коммуникативно-дискурсивный анализ в диахронной перспективе с опорой на методы, выработанные в социолингвистике, лингвопоэтике и стиховедении. При исследовании систем стихосложения, применявшихся в поэзии на иврите в разные эпохи, были использованы методы типологического сравнения и «точного литературоведения» (развиваемые в работах Б.И. Ярхо, М.Л. Гаспарова).

Эволюцию стиха в исследуемой традиции мы считаем нужным рассматривать как процесс осознаваемый, зависящий от языковых и текстовых предпочтений поэта / поэтического поколения, и учитываем при изучении рефлексии поэтов. Кроме того, мы принимаем в расчет социолингвистические данные (языковую ситуацию в обществе, статус языка и т.д.).

Научная новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью лингвистических проблем, связанных с поэзией на спящем языке. **Впервые** поэзия на спящем языке описана как отдельная коммуникативно-дискурсивная практика, характеризующаяся особой системой адресации и кодирования информации, существующая в постоянном соотношении с прецедентным текстом. Применительно к поэзии на спящем языке **впервые** проанализированы категория устного и письменного, метаязыковая, метатекстовая рефлексия и концептуализация языка, вопрос выбора прецедентного текста и стратегии обращения с ним. **Впервые** построены модели, связывающие структуру и язык поэтических текстов на иврите с языковой ситуацией в обществе.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке принципов описания поэтических текстов на спящем языке, основанных на признании их особого дискурсивного характера. Предложен и определен термин *спящий язык*, введение которого обосновано в т.ч. задачами изучения поэтических текстов. Для их анализа выявлена особая роль категории адресации, формы бытования поэтического текста (устной или письменной), наличия метатекстовой и метаязыковой рефлексии. Выбор и смена метрических моделей в поэзии на спящем языке производится в первую очередь под влиянием других языков. Это доказывает, что для спящего языка не существует имманентной ему системы стихосложения. Разработан метод, позволяющий сочетать результаты лингвопоэтического описания, методов точного стиховедения с результатами

анализа внестиховых параметров. Методы, применяемые к изучению устной поэзии, использованы для исследования поэзии на спящем языке. Описаны типы соотношения поэтических текстов на спящем языке с древними текстами и типы метаязыковой и метатекстовой рефлексии поэтов. Показаны различия в структуре и характере бытования между поэтическими текстами на живых и спящих языках.

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты работы могут быть использованы для расшифровки и датировки поэтических текстов и для создания комментариев к стихотворным текстам на иврите, а также на любом спящем языке; кроме того, результаты работы могут быть учтены при создании курсов по поэзии на спящем языке, по истории стихосложения на иврите; данные, представленные в работе, могут также применяться в общих курсах по теории стиха, лингвопоэтике и социолингвистике.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение поэзии на иврите как языке, вышедшем из разговорного употребления, приводит к **необходимости введения термина «спящий язык»** – им обозначается язык, обладающий высоким социолингвистическим статусом, маргинальный для устной коммуникации и не передающийся от родителей к детям, но широко использующийся как для рецитации и чтения старых текстов, так и для создания новых.

2. Поэзия на иврите как на спящем языке является **особой дискурсивной практикой**, что определяет основные языковые параметры поэтических текстов – выбор лексем, словоформ и произносительной традиции – ашкеназской / сефардской. Такой подход позволяет решить вопрос о соотношении разных изводов иврита в поэзии.

3. По отношению к поэзии на спящем языке возможно пересмотреть бинарную оппозицию *устного* и *письменного* как тернарную: ***устное – озвучиваемое – письменное***.

Разграничиваются два значения категории «озвучиваемое», которые можно условно обозначить как *телеологическое* и *нетелеологическое* «озвучание». В первом случае речь идет об осознанной ориентации на рецитацию текста, во втором – о неотрефлексированных следах устного проговаривания поэтического текста при сочинении. Второй аспект обнаруживается во всех исследуемых текстах, в т.ч. и не предназначенных для рецитации.

4. Смена метрических моделей в поэзии на спящем языке обусловлена не изменением фонологической структуры самого языка, а другими факторами, в первую очередь, влиянием титульной культуры. **Метрика поэзии на иврите характеризуется, с одной стороны, высокой приспособляемостью к различным просодическим системам, прежде всего под влиянием языкового окружения** (обычно заимствуется метрика поэзии на языке титульной культуры, определенным образом модифицируясь), а с другой – **высокой инертностью**. Оказавшись в новом языковом окружении и столкнувшись с новой просодической

системой (просодией поэзии на языке титульной культуры), **поэзия на спящем языке заимствует новую метрику со значительным опозданием.**

Существует взаимосвязь между категорией устное–письменное и изменением метрики в поэзии на спящем языке. В эпохи, для которых характерна устная рецитация поэзии, влияние метрики поэзии на языке титульной культуры на метрику поэзии на спящем языке происходит более интенсивно, чем в эпохи, когда устная рецитация практически отсутствует.

При формировании переходных метрических моделей у модели предшествующей эпохи наследуются элементы, релевантные для письменной репрезентации поэзии, от новой модели – в первую очередь те элементы, которые актуализируются при устной реализации поэтических текстов.

5. Из-за своего **центонного характера** поэзия на спящем языке постоянно существует **в соотнесении с прецедентным текстом.** Объем корпуса прецедентных текстов варьируется от одной эпохи к другой, то сужаясь до эталонного текста, то расширяясь до круга текстов, включающего в себя как эталонный, так и другие древние тексты. Кроме того, варьируется степень строгости правил, по которым из отрывков прецедентных текстов составляется центон.

Существует взаимосвязь между метрической и метатекстовой рефлексией поэтов: периоды ригоризма и «свободы» в метрике находятся в противофазе с соответствующими периодами в рефлексии касательно прецедентного текста.

6. На языковые параметры поэтических текстов на иврите оказывает влияние **языковая ситуация в обществе**, прежде всего, статус иного еврейского языка, отличного от иврита (т.е. еврейского вернакуляра). В ситуации, когда такой язык имеет крайне низкий статус и воспринимается как язык, непригодный для таких дискурсивных практик, как поэзия (еврейско-арабская поэзия в Испании, просветительская поэзия), – иврит концептуализируется как язык, который должен представлять противоположность непрестижному вернакуляру. Это обуславливает особый тип метатекстовой рефлексии и заставляет поэтов сузить круг прецедентных текстов. Однако в той ситуации, когда вернакуляр получает более престижный статус, круг прецедентных текстов для поэзии на иврите расширяется.

В случае, когда в обществе допускается создание поэтических текстов лишь на высоких языках, тексты на спящем языке ориентированы на малый круг прецедентных текстов, при этом в них проявляется меньший ригоризм в области метрики. В случае же, когда допустимо создание поэтических текстов с высоким статусом на вернакуляре, поэзия на спящем языке оперирует более широким кругом прецедентных текстов, ее метрика более жестко регламентирована.

Апробация работы состоялась в ходе докладов на заседаниях сектора теоретического языкознания ИЯз РАН и семинара «Мировые поэтические практики» (25 апреля 2013 г.), на российских и международных конференциях: I научная конференция памяти академика РАН Ю.С. Степанова (Москва, ИЯз РАН,

февраль 2013), Конференция «Информационная структура разных жанров и эпох» (Москва, ИЯз РАН, 21–23 мая 2013), «Язык и языки поэзии. К 80-летию Г. Айги» (Москва, ИЯз РАН, октябрь 2014), Круглый стол «Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира» (Москва–Тамбов, РАЛК, ИЯз РАН – ТГУ, ноябрь 2014), X Congress of the European Association of Jewish Studies «Jewish and Non-Jewish Cultures in Contact: New Research Perspectives» (Paris, 22–25 июля 2014), Конференция «Ломоносовские чтения», секция «Востоковедение» (ИСАА МГУ, 20–24 апреля 2015), XXI и XXII Международные ежегодные конференции по иудаике (Москва, Центр «Сэфер» Института славяноведения РАН, 2014 и 2015), XX Международная молодежная конференция по иудаике (Москва, Центр «Сэфер» Института славяноведения РАН, 2015), VIII Международная научная конференция «Язык, культура, общество» (Москва, РАН, РАЛН, МИИЯ, «Вопросы филологии», 14–16 октября 2015).

Основные положения диссертации отражены в 8 публикациях, из них 3 опубликованы в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и образования РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, выводов после каждой главы, заключения, списка источников и библиографического списка. Объем диссертации составляет 235 страниц.

Основное содержание работы

Во **Введении** дается общее представление о предмете и объекте исследования, о рассматриваемом материале; формулируются цель и задачи работы, характеризуются актуальность, научная новизна и теоретическая значимость работы; описываются научная база и методология исследования, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Постановка проблемы: теоретические основания изучения поэтического текста на спящем языке» – представляет собой описание степени изученности темы и рассмотрение основных теоретических проблем и понятий, затрагиваемых в работе. Это понятие **языковой смерти, оппозиция живого и мертвого языков, оппозиция устного и письменного, проблемы многоязычия и диглоссии** и проблема **соотношения языка и системы стихосложения, понятия образа языка и прецедентного текста.**

Языковую смерть принято описывать как **континуум ситуаций**, которые объединены процессом сдвига основного языка: от прекращения передачи языка следующим поколениям в обществе в целом до смерти последнего носителя. **Оппозиция живого и мертвого языков** чаще трактуется как **эквиполентная** (М. Сводеш, Х.-Ю. Зассе, Т. Цунода) и лишь у отдельных исследователей – как **градуальная** (Х. Рабин).

Мы выделили следующие критерии, позволяющие исследователям определять язык как мертвый². Все они указывают на сферы употребления, которые утрачиваются языком, и на их основе можно составить континуум – от живого к мертвому языку:

1. Прекращение передачи языка от родителей к детям, т.е. отсутствие в молодом поколении людей, для которых он был бы родным (при этом язык продолжает использоваться в письменной и даже устной коммуникации) – некоторые языки малых народов России, некоторые языки индейцев США и аборигенов Австралии, языки «старой родины» в эмигрантских общинах.

2. Отсутствие порождения спонтанной устной речи на языке (при этом тексты на нем рецитируются, создается письменная продукция) – классический арабский, санскрит и латынь в средневековье.

3. Отсутствие какой бы то ни было устной речи на языке, в том числе рецитации древних текстов (при наличии письменного функционирования языка) – латынь в странах, где церковь перешла на местные языки, вэньянь.

4. Отсутствие порождения письменной продукции на языке (старые тексты могут транслироваться, в том числе путем рецитации) – геэз в современной Эфиопии.

5. Отсутствие и порождения, и чтения письменных текстов на языке – шумерский, аккадский, древнеегипетский, древнегреческий языки.

Тип языковой смерти или возрождения определяется, кроме исторических причин, **статусным положением языка в диглоссии**. Для смерти вернакуляра характерно выполнение перечисленных выше условий. В то же время смерть языка с высоким социолингвистическим статусом на первом этапе обычно характеризуется выполнением лишь первых двух условий (отсутствие в молодом поколении людей, для которых язык был бы родным, и отсутствие порождения спонтанной устной речи на языке). Невыполнение условий 3–5 при этом делает проблематичной возможность признать такой язык мертвым.

Для решения этого вопроса мы предлагаем не только отказаться от бинарной оппозиции живых и мертвых языков, но и от практики выбора «точки отсчета» в описываемом континууме ситуаций. Для этого **мы предлагаем ввести в русскоязычный узус термин «спящий язык»**. Спящий язык характеризуется следующим набором признаков:

1. Он не передается от родителей к детям, т.е. не существует людей, для которых он являлся бы родным;

2. Устная коммуникация на нем маргинальна или отсутствует вовсе;

3. Он участвует в ситуации диглоссии и выполняет роль высокого (письменного и престижного) языка, и именно это обстоятельство препятствует его использованию в повседневной устной коммуникации;

² Поводом для создания данной классификации послужило устное замечание чл.-корр. РАН д.ф.н. В.М. Алпатова о различных возможных пониманиях термина «спящий язык».

4. На нем продолжается трансляция и рецитация древних текстов;
5. На нем создается новая письменная продукция.

Именно таким языком был иврит в рассматриваемый нами период (III–XIX вв. н.э.): носителей, для которых он был родным, в указанный период не существовало (вплоть до конца XIX в.); иврит очень редко использовался для спонтанной устной коммуникации, он обладал высоким социолингвистическим статусом и воспринимался как сакральный язык; древние тексты на нем изучались и передавались из поколения в поколение. На протяжении всего указанного периода на иврите создавалось большое количество новых текстов, в т.ч. поэтических.

Исследование текстов на иврите III–XIX вв. как текстов на спящем языке позволяет не только решить вопрос о характере функционирования иврита указанного периода (был ли он мертвым / живым языком), но и не увязывать описание такой дискурсивной практики, как поэзия на спящем языке, с вопросом о генетической преемственности между древним, средневековым и современным ивритом (в современной гебраистике этот вопрос широко обсуждается в связи с проблемой генетической принадлежности израильского иврита – см. работы А. Бендавида, Е. Кауфмана, А. Бар-Адона, Й. Блау, Ш. Изрееля, Ю. Хорват и П. Векслера и др.). В случае спящего языка, который не является ни для кого родным, постановка вопроса о генетической принадлежности языка затруднена. Попытки установить соотношение между различными изводами такого языка мало релевантны, и для описания дискурсивной практики в развитии они не нужны. Однако очевидно, что для поэзии на спящем языке, «строительным материалом» для которой служили цитаты из древних текстов, имеет смысл говорить о преемственности по отношению к древним изводам языка.

Диглоссия и многоязычие. Языковая ситуация в еврейском обществе – сосуществование иврита и еврейского диаспорального вернакуляра – традиционно описывается как **диглоссия** (правда, с многочисленными уточнениями – в работах М. Вайнрайха, Дж. Феллмана, Дж. Фишмана, Х. Рабина, Ш. Харамати, Ш. Морага, Х. Турнянски, Р. Элиор). Для изучения иврита как спящего языка модель диглоссии представляется по-прежнему актуальной: иврит осваивался носителями после вернакуляров и потому находился под определенным их влиянием, в истории еврейской поэзии иврит концептуализировался как сакральный язык, вернакуляры – как профанные.

Кроме того, в иврите существовала внутренняя диглоссия: в литературных текстах, в т.ч. в поэзии, использовались разные исторические изводы языка, которые наделялись различным социолингвистическим статусом.

Наконец, для рассмотрения поэтических текстов на иврите в указанный период следует учитывать также статусное распределение и концептуализацию языков нееврейского окружения – противопоставление престижных языков (прежде всего, литературного арабского, в дальнейшем – немецкого и русского) и вернакуляров (украинского, белорусского и т.д.).

Оппозиция устного и письменного. В русскоязычной лингвистической литературе «устное» и «письменное» противопоставляются друг другу прежде всего по двум параметрам: «звучащее – не звучащее» и «не зафиксированное на письме – зафиксированное на письме». Кроме этого, две категории описываются как различные в стилистическом отношении. Так, для русского языка отечественная лингвистика выделяет четыре признака категории устного: звучащее, не записанное, спонтанное и стилистически разговорное (например, в работах Е.А. Земской). Таким образом, оказываются противопоставлены друг другу комплексы параметров: *устное – звучащее – не записанное – спонтанное – речь vs. письменное – незвучащее – записанное – неспонтанное – текст.*

Современное языкознание характеризуется отходом от бинарных оппозиций в сторону построения более сложных моделей, чему способствует как учет факторов, которые ранее выпадали из рассмотрения (как, например, культурный трансфер, междискурсное и межъязыковое взаимодействие), так и обращение к новому эмпирическому материалу, прежде всего – неевропейскому (например, в работах В.М. Алпатова и Е.В. Маевского на материале японского языка демонстрируется нетождественность устного и разговорного, письменного и книжного: написанный текст в письменной форме информативно не тождествен озвученной версии того же текста). Тем более **переосмыслению подлежит оппозиция письменного и устного на материале спящего языка.** Устная коммуникация для спящего языка не характерна, однако он используется для рецитации текстов, в т.ч. поэтических. Для спящего языка мы предлагаем использовать противопоставление **письменное – озвучиваемое.** Спящий и живой языки образуют полисистему, в которой значения «письменное» и «озвучиваемое» закреплены за спящим языком, а «устное» – за живым языком (вернакуляром).

Поэзия на спящем языке не является устной поэзией в традиционном понимании этого термина: она не вариативна, не формульна и не ориентирована на неграмотного слушателя. Однако **устная реализация поэтических текстов** (прежде всего, их озвучивание), безусловно, возможна и для спящего языка.

Рецитация поэзии является одной из сфер проявления влияния родного языка говорящего на иврит. Исторически сложились несколько **произносительных традиций иврита**, фонологический характер которых определялся двумя факторами: фонологией вернакуляра (родного языка) и фонологией диалекта иврита, на котором говорили предки данной еврейской общины. Из всех существующих произносительных традиций (см. работы М. Бар-Ашера, Ш. Морага, Д. Каца и др.) для рассматриваемого материала актуально в первую очередь противопоставление двух – сефардской и ашкеназской. **В поэзии особенно актуализированы различия в ударении** (ашкеназское тяготеет к началу слова, сефардское – к последнему слогу) и **реализации ряда фонем** (сефардское произношение сохранило фарингальную и ларингальную реализацию исторических гуттуральных и утратило противопоставление между историческими

смычным и фрикативным аллофонами фонемы /t/; ашкеназское произношение, напротив, утратило фарингальную и ларингальную реализацию гортанных в пользу велярной, однако сохранило противопоставление между аллофонами /t/: смычная и фрикативная разновидности этой фонемы реализуются как [t] и [s] соответственно; различным образом произносятся исторически долгие гласные *ā, *ē, *ō, а также *подвижное шва*). В ряде случаев имеет значение и отсутствие единства в произносительных традициях: в рамках каждой из них сосуществуют несколько территориальных вариантов, как в рамках одного языка – несколько диалектов.

Соотношение языка и системы стихосложения. Дискуссии об имманентности системы стихосложения языку велись в стиховедении начиная с 1920-х гг., гипотезы по этому вопросу составляли спектр – от идеи полного детерминирования системы стихосложения фонетической системой языка (Э. Сепир, М.П. Штокмар, В.В. Виноградов, В.Е. Холшевников и др.) до идеи навязывания языку системы стихосложения извне (Р.О. Якобсон, У. Вайнрайх, Е.Д. Поливанов, В.А. Никонов). Были высказаны также компромиссные гипотезы (В.С. Баевский, Б.В. Томашевский, К.Ф. Тарановский, М.Л. Гаспаров).

Поэзия на иврите представляет собой случай последовательного приложения к одному спящему языку нескольких различных систем стихосложения; кроме того, были периоды одновременного существования нескольких просодических систем. Случай поэзии на иврите является существенным аргументом в пользу **отсутствия системы стихосложения, имманентной языку**.

Образ языка – термин, предложенный Ю.С. Степановым применительно к истории лингвистики и аналитической философии XX века и распространенный в дальнейшем и на другие дискурсивные практики (на устную спонтанную коммуникацию и поэзию).

Поэт, пишущий на спящем языке, с неизбежностью концептуализирует язык и выстраивает образ идеального языка. **Спящий язык может концептуализироваться как равный тексту** (и тогда поэзия на нем представляет собой центон) **или как система**. Эта система может быть закрытой / обладающей потенциальными точками роста / открытой. Образ спящего языка выстраивается как на основе эксплицитной метаязыковой рефлексии поэтов (их метаязыковых высказываний), так и реконструируется на основе поэтических текстов.

В данной работе реконструируется образ иврита, как он мыслился еврейскими поэтами, исходя из их стихотворных текстов, а также на основе текстов, отражающих эксплицитную метаязыковую рефлексия поэтов (предисловий к поэтическим сборникам, автокомментариев, руководств по стихосложению и пр.).

Прецедентный текст. При анализе поэтических текстов мы опираемся на определение понятия прецедентного текста, предложенное Н.М. Азаровой: «общим параметром прецедентных текстов считается узнаваемость и отсутствие необходимости при цитировании ссылки на текст или авторов, то есть опознаются прежде всего слова; кроме того, поэтический текст может опознаваться также по

формально-стиховой модели»³. Прецедентный текст выделяется как с точки зрения реципиента, опознающего текст, так и с точки зрения автора, пишущего свой собственный текст. В ситуации, когда многие поэтические произведения представляют собой центон, источник цитирования автоматически признается прецедентным текстом.

В нашей работе показывается, что сам выбор корпуса прецедентных текстов соотносится с метаязыковой рефлексией (образом языка) и оказывает влияние на другие параметры стихотворного текста. Как уже было отмечено, поэтические тексты на иврите как на спящем языке всегда существуют в соотношении с древними текстами на нем (написанными, когда этот язык еще был живым). **Прецедентным текстом** для еврейской поэзии в первую очередь являлась Библия, многие поэтические тексты на иврите представляли собой центон из библейских цитат. Круг прецедентных текстов несколько раз менялся: эпохи его расширения (когда в него включались также постбиблейские тексты: Талмуд, мидраши, молитвы) чередовались с эпохами его сужения (когда все тексты, кроме библейских, из этого круга исключались). Сужение круга прецедентных текстов рефлексировалось, обычно оно сопровождалось лозунгами эстетического возврата к древности, расширение этого круга обычно происходило имплицитно.

Вторая глава исследования посвящена проблеме устного и письменного функционирования поэзии на иврите как на спящем языке.

Для спящего языка значение терминов *письменное* и *устное* в случае спящего языка не совпадает с их трактовкой, привычной современному читателю, – и нуждается в уточнении. Для иврита актуальны следующие параметры:

1. **Звучащее / не звучащее;**
2. **Опирающееся / не опирающееся на фиксированный письменный текст.**

Поэзия на спящем языке не может быть отнесена к так называемой устной поэзии за счет принципиально иной дискурсивной направленности, однако утверждение, что поэзия на спящем языке существует исключительно в письменном модусе, было бы неверным.

Как писал Ю.Н. Тынянов, «школа так называемой *Ohrenphilologie* [“Слуховая филология”], заявившая, что стих существует только как звучащий, возникла в закономерной связи с общим движением поэзии ... существует определенная смена таких периодов: периоды, когда в стихе подчеркивается акустический момент, сменяются периодами, когда эта акустическая характеристика стиха видимо слабеет и выдвигаются за ее счет другие стороны стиха»⁴. В случае иврита в этом отношении актуально также противопоставление светского и религиозного. В первую очередь **подвергалась рецитации именно религиозная поэзия** (пиют).

³ Азарова Н.М. «Морская ода» Ф. Пессоа: о критериях опознавания прецедентного текста. НЛО, № 128, 2014. С. 201-207.

⁴ Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М., 2002. С. 41.

Однако она не была целиком устной. Пиюты часто сочинялись в форме акростиха, и **восприятие** подобного текста предполагало **перекодировку устного текста в письменный** (слушатель должен был представить себе, как пишутся слова, и соотнести их с порядком букв в алфавите или имени автора; каждая следующая буква алфавита или имени автора служила сигналом начала новой строки или строфы) – и **обратно**. В этом отношении спящий язык все равно ориентирован на письменный образец.

В истории **светской поэзии** на иврите как на спящем языке **чередовались эпохи**, когда рецитация поэтических текстов была принята (еврейско-арабская поэзия в Испании, еврейско-итальянская поэзия, постпросветительская поэзия), – и эпохи, когда тексты читались только про себя (эпоха Просвещения). Этот параметр напрямую детерминируется соответствующим параметром титульной культуры. Так, например, в итальянско-еврейской поэзии рецитация текстов была принята. Одним из подтверждений является существование стихотворений на иврите, звучащий текст которых можно интерпретировать и как текст на иврите, и как текст на итальянском языке (весь текст стихотворения состоит из слов, созвучных на иврите и итальянском), что свидетельствует об обязательной устной реализации подобных текстов. Таково, например, стихотворение Э. Луццато (XVIII в.) «Эпитафия неизвестному»:

Ah! L'uom	הָלוֹם
misero è	מִי זֶה רוֹאֶה
Se notte, e di,	שָׁנוֹת אֵינִי,
pene, e lai,	פְּנֵה אֵלַי,
ohimé!	אוּ מָה!
suol cibar.	שָׂאֵל שִׁבֵּר.
Chi nasce muor;	כִּנְהָ שָׁמֵר,
animati,	אֲנִי מֵתִי,
A voi giammai	אֲבוֹי! יָמִי
avvenga mal	אָנוּ עֲמָל,
ah! che passo!	הֵה כִּי פָסוּ. ⁵

Однако и в те эпохи, когда устной рецитации поэзии практически не было, **поэзия мыслилась как произносимый текст**. Так, просветительские поэты придавали огромную важность произносительной традиции (сефардской / ашкеназской), в которой сочиняются стихи.

⁵ Текст на иврите: «Ныне / кто видит / годы моих бедствий, – / Обратись ко мне, / О горе! / В бездну кануть. / Услышь мой плач, / Я умер. / Ах! Мои дни / сплошь бедствиями и трудом / были» (Перевод наш – А.П.). Текст на итальянском языке: «Ах! Тот человек / несчастен, / Если и ночью, и днём / страданиями и причитаниями, / увы! / только кормится. / Вы, смертные, / взбодритесь: / и да не постигнет вас / то же бедствие, / что и меня!» (Перевод С.С. Белоусова, О.И. Шульман).

Следует **разделять устную рецитацию** (телеологическое озвучание) и **устное проговаривание текста при сочинении** (нетелеологическое озвучание): в те эпохи, когда рецитации поэзии не было, мы также можем найти **следы такого проговаривания текста** (элементы, обусловленные региональными особенностями произношения).

Так, просветительская поэзия требовала сефардского произношения, для которого характерно ударение преимущественно на последний слог (в отличие от ашкеназского, где оно тяготеет к 2 или 3 слогу от конца слова). В ряде размеров просветительской поэзии требовалась женская клаузула, являющаяся таковой согласно сефардской произносительной традиции, и выбор женских клаузул был затруднен. Иногда под влиянием привычного произношения поэты употребляли в таких клаузулах слова, которые имеют женское окончание, только будучи произнесены по-ашкеназски. Так, например, поэма М.Й. Лебенсона «Шеломо», написанная 11-сложником с перекрестной женской рифмовкой, включает строфы, где четные строки составляют женскую рифму только в ашкеназском произношении (aróvoys: ovóys). В сефардском произношении реализация клаузул 'aravót : 'avót дала бы мужскую рифму:

Xalaf layla, kokhve nishpo baraxu,
Sahar asaf nogho bi-shme aravot,
'al shadmot xemer kar allon wa-axu
Shaxar or izre 'al boqer lo 'avot.

חֲלַף לַיְלָה, כּוֹכְבֵי נִשְׁפּוֹ בְּרַחֵו,
סַהַר אָסַף נוֹגְהוּ בְּשִׁמֵי עֲרָבוֹת;
עַל שְׁדָמוֹת חֶמֶד כָּר אֵלּוֹן וְאַחֵו
שַׁחַר אוֹר יִזְרֶה עַל בִּקְר לֹא עֲבוֹת.⁶

Как *устное vs. письменное* традиционно концептуализируется **противопоставление иврита и вернакуляра**. Анализ творчества двуязычных поэтов (иврит–идиш) дает возможность показать, как выстраивается образ вернакуляра и – от противного – образ спящего языка. Вернакуляр мыслится как язык без грамматики, которому чужда системность; язык, возникший по естественным законам и не приспособленный для написания текстов вообще и поэзии в частности. Иврит, напротив, – как система, как богоданный язык, опирающийся на древние тексты и созданный для сочинения текстов, в т.ч. поэзии.

Третья глава исследования посвящена метрике поэзии на иврите. Метрика рассматривается с целью обнаружить закономерности приспособления метрических систем к поэзии на спящем языке и их смены.

Фонологическое влияние вернакуляра (родного языка говорящего) на спящий язык **особенно сильно** проявляется в **области просодии**, поскольку, как правило, просодия неродного языка рефлектируется слабее, чем другие его фонетические черты (как, например, наличие экзотических для родного языка

⁶ Ночь минула, звезды ее скрылись, / Луна уж не сияет в степных небесах, / Над полями, дубравами и лугами /
Рассвет скупко рассеивает свет (Здесь и далее перевод наш – А.П.).

звуков и система аллофонии). Тем более **проблематична рефлексия о просодии языка, который манифестируется прежде всего в письменных текстах.**

Источниками сведений о фонологии иврита были рукописи и печатные издания священных текстов, прежде всего – Библии и молитвенников, в которых существовала система обозначения гласных и ударений. В соответствии с этими изданиями, иврит имеет как противопоставление гласных по долготе (с тремя значениями: долгие, краткие и сверхкраткие гласные), так и динамическое ударение, которое является смыслоразличительным. Таким образом, **иврит как спящий язык потенциально является удобным объектом для приспособления к нему нескольких метрических систем: квантитативного стихосложения, тоники, силлабо-тоники и силлабики.**

Все эти метрические системы были в разное время приспособлены к материалу иврита: для пиюта характерна тоническая метрика, для еврейско-арабской поэзии (X-XIII вв.) – квантитатив, для итальянской и просветительской поэзии – прежде всего силлабика, для восточноевропейской поэзии рубежа XIX и XX вв. – силлабо-тоника. Все эти **метрические системы были заимствованы у титульных культур и прошли определенную адаптацию к материалу иврита.**

В то же время к метрической системе приспособлялся и языковой материал. Как в силлабо-тоническом стихосложении «один и тот же слог может считаться как ударным, так и безударным»⁷, так и в различных системах стихосложения на иврите одни и те же явления могли подлежать различной интерпретации. Так, начальный гласный [ǔ], обозначаемый графемой ׀ (на морфологическом уровне – позиционный вариант союза ׀), если после него не следует скопление двух согласных, не считался полноценным гласным в еврейско-арабской и еврейско-итальянской поэзии, а в просветительской и постпросветительской поэзии – напротив, считался.

Исторические ультракраткие гласные имеют особый статус – кратких гласных – в еврейско-арабской поэзии. Некоторые еврейско-итальянские поэты считают их полноценными гласными (т.е. приравнивают ко всем остальным гласным). А в ряде квантитативных еврейско-арабских размеров и – в большинстве позиций – у просветительских поэтов ультракраткие гласные вовсе не учитываются при счете слогов.

Учет / неучет проблемных гласных при счете слогов может составлять разные комбинации. Например, в своих поздних произведениях М.Х. Луццато (XVIII в.) учитывает ультракраткие, но не учитывает [ǔ]. Просветительский поэт Й. Ѓаэфроси (XIX в.), напротив, учитывает [ǔ], но не учитывает ультракраткие.

⁷ Плуныян В.А. О понятии метрических дериватов в русском стихосложении. Разбор некоторых случаев. Режим доступа: [https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB0QFjAAahUKEwj3j-SqiL_HAhVL_HIKHcBnBVw&url=http%3A%2F%2Fwww.philol.msu.ru%2F~otipl%2Fnew%2Fnpmmvya%2Fhandouts%2Fmetricheskie_derivaty.doc&ei=ranZVbeFNMv4ywPAz5XgBQ&usq=AFQjCNG7Q040jGDHU6YP5455AiZPQ7Fveg&sig2=0YM9Z2FA_vTFWF4ztCvkkA&cad=rjt], свободный.

Наиболее свободной интерпретации подвергается *шва*: в ряде проблемных случаев шва может трактоваться двояко – и как подвижное (т.е. передающее ультракраткий гласный), и как неподвижное (т.е. обозначающее отсутствие гласного и маркирующее конец закрытого слога). Это происходит при редукции последнего слога основы при присоединении ударного окончания, объектного или притяжательного суффикса, а также при присоединении к имени, первый слог которого содержит подвижное шва, проклитик. Так, в соседних строках стихотворения Иегуды Га-Леви (XII в.) «לא האמין אמון» («Не поверил богач») встречается форма, в которой это шва трактуется как подвижное (כּוֹרֵעָה), и форма, в которой оно же трактуется как неподвижное (יּוֹדְעָה):

Xevrat bəhe|mot korə'a| tamid ləmul
 Na-qir wə-lo| yod'a lə-mi | khora'at⁸.

חֲבֵרַת בְּהֵמוֹת כּוֹרֵעָה תָּמִיד לְמוּל
 הַקִּיר – וְלֹא יוֹדְעָה לְמִי כּוֹרֵעַת.

Наконец, строгость метрической схемы иногда заставляла поэтов отступать от грамматической нормы (преимущественно редуцировать ультракраткие гласные до неподвижного шва – после проклитик или приставок, перед ударными окончаниями), и иногда такие отступления отражались на письме.

Можно предположить, что **потенциальная приспособляемость спящего языка к разным метрическим системам выше, чем у живого языка** (поскольку на фонетическую реализацию спящего языка всегда влияет тот или иной живой язык).

Кроме того, важно также **влияние другой культурной традиции**. Им в первую очередь обуславливается и **смена метрических моделей** в поэзии на иврите как на спящем языке: заимствуется новая метрическая модель, вытесняющая предыдущую, заимствованную ранее. Обычно такая замена (например, у еврейских поэтов в Испании и у просветительских поэтов) производилась под двумя лозунгами: необходимость писать, как современники (т.е. заимствовать метрику у современной им титульной культуры и освободиться от метрических ограничений и правил предыдущей заимствованной метрической системы) и необходимость возврата к Библии (прежде всего, в эстетическом и лексическом отношении). **Полного возврата к библейской метрике никогда не происходило**, но заимствовались отдельные элементы: например, отсутствие рифмы или двухчастное членение строки, имитирующее параллелизм библейской поэзии.

Таким образом, смена метрических моделей осмысляется одновременно как «большая вольность» – стремление освободиться от строгой схемы, которая воспринимается как отжившая свое, – и «большая строгость» – стремление вернуться к истокам, отказаться от «вольностей», которые позволили себе предыдущие поэтические поколения.

⁸ Стая зверей всегда ложится у стены – и не знает, перед кем преклоняет колени.

В этом отношении пример поэзии на иврите позволяет скорректировать выводы, высказанные М.Л. Гаспаровым. Взаимоотношения языка и приспособляемой к нему метрической системы описаны им как борьба, происходящая с переменным успехом: «развитие стиха идет волнообразно, колеблясь между периодами большей строгости (обычно перевес культурного фактора) и большей вольности (обычно перевес языкового фактора). Отталкиваясь от беспорядочности языковой стихии, стих стремится к сколь можно более строгому соблюдению метрической схемы, доходит в этом движении до того рубежа, где схема уже не стимулирует, а сковывает выразительные возможности языка, а затем начинает двигаться в обратном направлении»⁹. Анализ рассматриваемого материала, а также учет дополнительного фактора (метрической и метаязыковой рефлексии поэтов) позволяет разделить сцепление признаков: **строгость в метрике + перевес культурного фактора и вольность в метрике + перевес языкового фактора**. В поэзии на спящем языке, к которому последовательно приспособляются разные заимствованные метрические системы, причиной смены просодии **не является** перевес языкового фактора. Смена метрических моделей в поэзии на спящем языке происходит в первую очередь под влиянием культурного фактора: новая модель заимствуется у титульной культуры.

Влияние метрики поэзии на языке титульной культуры на поэзию на спящем языке тем сильнее, чем больше в титульной культуре принята устная рецитация поэзии. Смена метрических моделей происходит с заметным опозданием, можно говорить о **метрическом запаздывании** в поэзии на спящем языке. Окончательная смена метра происходит только тогда, когда появляется **осознание того факта, что предыдущая система не является единственно возможной для спящего языка**, т.е. не существует просодии, имманентной для данного языка.

Как отмечает Б. Харшав, «общая теория и морфология систем стихосложения не может изыскать более богатого и разнообразного исторического и лингвистического примера, чем тот, который предлагает иврит и культура на нем <...> К ивриту применялись почти все возможные системы создания ритма и рифмовки (кроме китайских тонических размеров)»¹⁰. В данной главе **приведено описание метрических систем, применявшихся в поэзии на иврите как на спящем языке, и анализ механизмов их приспособления к материалу.**

Приспособление к еврейской поэзии арабских стихотворных размеров было связано с конкретным именем – поэта X в. Дунаша Бен Лабрата. При перенесении аруда (арабской системы стихосложения, основанной на оппозиции долгих и кратких гласных) на материал иврита противопоставление базовых метрических

⁹ Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 2003. С. 236.

¹⁰ Harshav B. 2014. Three Thousand Years of Hebrew Versification. Essays in Comparative Prosody. Yale, 2014. P. 64.

элементов – *sábabov* и *vátidov*, т.е. двухморных и трехморных единиц – было сохранено, однако переосмыслено: место сабаба занял долгий гласный (תנועה, **тенуá**, мн. – тенуóт), место ватида – комбинация вида «ультракороткий гласный + долгий гласный» (יתד, יתד – **ятéд**, мн. – етедóт). Таким образом, наиболее краткой из противопоставляемых единиц стал долгий гласный.

Арабская строка состоит из двух полустиший. На иврите эти фрагменты стиха получили следующие названия: строка – ביח, *báyit* (мн. – *batím*), полустишие – צלע, *целá* (мн. – *целаóт*), первое полустишие – דלת, *déлет*, второе – סוגר, *согér*.

Арабские размеры определялись как видом стопы (комбинации долгих и кратких слогов, от 2 до 5 слогов), так и количеством стоп в полустишии и стихе. Стихосложение на иврите заимствует этот принцип: стопы представляли собой определенную последовательность тенуот и етедот (всего от 2 до 4 слогов), они объединялись в *целаóт* и *батím*.

Произошел отбор просодического материала: в метрический репертуар поэзии на иврите вошли не все размеры и их разновидности (12 из 16 размеров аруда). Кроме того, были выработаны собственные размеры, лишённые противопоставлений: משקל תנועות, *мишкаль тенуот*, состоящий только из слогов с долгими гласными, и משקל הברות, *мишкаль гаварот*, в котором учитываются только долгие гласные, ультракороткие же распределены случайным образом.

В работе приведено перечисление всех **размеров еврейско-арабской поэзии**, приведены примеры. Основным размером являлся га-меруббэ (המרובה, одна из модификаций араб. вафира). Написанное им послустиие состоит из трех стоп вида «ятед-тенуа-тенуа». Таким образом, стих имеет следующую метрическую структуру:

- - - | - - - | - - - || - - - | - - - | - - -

ומה יועיל | כחות על המצוקים || ומה יועיל | לדמעה ה' ערופה? (אבן-גבירול)

(в латинской транслитерации подчеркнуты слоги, считающиеся краткими)

u-ma yo'il | bəkhót 'al ha|mətsuqim || u -ma yo'il | lədim'a ha|'ārufa (Шеломо Ибн-Гевироль)¹¹.

Описаны также основные два вида строфической организации еврейско-арабской поэзии: מרובע (*мерубба*), при котором стихотворение состоит из *батим* – стихов, рифмующихся между собой (каждый стих состоит из двух полустиший, и в первом стихе они также рифмуются между собой), и שיר האזור (*шир га-эзор*, араб. *мувашах*), при котором стихотворение не состоит из *батим* и не объединено моноримом. Стихи объединяются в строфы, в каждой строфе – своя рифма. Метрически мерубба устроен строже, метрический репертуар *шир га-эзор* шире.

В работе также содержится описание размеров еврейско-итальянской поэзии. Суммированы гипотезы, описывающие происхождение итальянских силлабических размеров, **прослежена эволюция метрики**: от квантитативной метрики по

¹¹ Что толку плакать над несчастьями, / что толку в иссохшей слезе?

арабскому образцу – к **просодии с двойной системой ограничений** (от квантитативного стихосложения заимствуется размер, состоящий из *етедот* и *тенуот*, от силлабики – приведение в соответствие количества слогов в строке и типа клаузулы), и дальнейшее **освобождение от требований квантитативного стихосложения**. Прослежены также тенденции возникновения силлабо-тоники.

Отмечается метрическое новаторство **М.Х. Луццато**, который использовал три метрические модели:

1. Двойная система метрических ограничений (квантитативный размер + силлабика, форма строфической организации заимствована у итальянской силлабики, женские клаузулы). Приведем начало стихотворения 1731 г. «על מצבתה חנה לאברהם» («Эпитафия на могиле сестры – Лавры Ханы Луццато»):

הדור ראוי, לי צל קברים תחת \ צל הוד כבוד תפה הלום מצאתי; \ הן בית חתנותי לבד לשחת, \ רחל עקרה
 אלה, קראתי; \ אף מהמאד לי טוב מלא כף נחת \ כל נחלת עלי מנוחה באתי; \ פי עז ימין עליון כאב גדלה \
 טוב מפאר בנים עשרה סלה.
 - - - | - - - | - - -

Ha-dor rəu, | li tsel qəva|rim taxat / Tsel hod kəvod | xuppa hālom | matsati; / Hen bet
 xātu|nati ləvad | la-shaxat, / Raxel ‘āqa|ra illəma, qarati; / Akh ma-məod | li tov məlo |
 khaf naxat / Kol naxālat | ‘alay mənū|xa vati; / Ki ‘oz yəmin | ‘elyon kəev | gaddela / Tov
 mi-pəer | banim ‘āsa|ra sela¹².

М.Х. Луццато отказывается от строфической структуры *мерубба* (что позволяет не противопоставлять *делет* и *согер* и, соответственно, отменяет альтернанс) и заимствует из итальянской поэзии перекрестную рифмовку. Все строки одной длины – 11 слогов, и у всех – женская клаузула.

2. «Компромиссная» форма – логаяд: строка не членится на одинаковые стопы, на определенной позиции находится ультракраткий; важно ударение в клаузуле. Пример – отрывок из пьесы 1743 г. «לישרים תהילה» («Хвала праведным»):
 (רהב – אל תרמית)

מתי אשלם או מה לך אשיבה \ אחי, כעל כל טוב כל תגמולך? \ הן מצאה כביר עצם ידך \ לתת שאלתי
 ולהמציאני \ הבת תהלה זאת פי אויתיה. \ עתה שאל ממני, \ כי כל-יכלתי לא אמונע ממך.

Matay āshalem o me lakh ashiva / Axi, kə-‘akm kol tuv kol tagmulekha? / Hen matsəa
 kabir ‘otsem yadekha / Latet shəlati u-lhamtsieni / Ha-bat təhila zot ki iwitiha. / ‘Ata
 shəal mimmeni, / Ki khol-yəkholti lo emna‘ mimmekka¹³.

Текст написан *versi sciolti*, состоящими из 7- и 11-сложных строк, третий слог каждой строки обязательно является ультракратким (воспроизводится стопа вида «тенуа-тенуа-ятед»), последующие же слоги – долгими.

¹² Смотрите, молодые: надо мной – сень могилы / Вместо сени свадебного балдахина, / Дом свадебных торжеств стал для меня могилой. / К бесплодной праматери Рахели немо взывала я; / Но радостно мне, мне досталось наслаждения сполна, / Я покоюсь в радости, / Ибо мощь Божьей десницы, даже причиняющей страдания, / Лучше, чем радость от десяти сыновей, воистину.

¹³ Чванство обращается ко Лжи: «Когда придет час моей расплаты, что я тебе отвечу, / Брат мой, чем отплату тебе за все блага? / Мощь в руке твоей, / Она может дать мне желаемое, найти мне / Дщерь – Прославление, ибо я жажду ее. / Теперь проси у меня, / Все, что смогу – дам тебе, не откажу».

3. Собственно силлабика: учитывается количество слогов в строке, в т.ч. образованных ультракраткими; распределение ультракратких по строке не регламентируется, важно ударение в клаузуле. Этой формой написана, в частности, пьеса Луццато «מעשה שמשון» («Деяние Самсона», 1724):

אַתְּ אַתְּ, הוּי אֶשֶׁת חַיִּיל, \ בֵּין הַגִּבּוֹרִים אַתְּ זְכוֹרוֹנָךְ שְׁמָתָ, \ שִׁרְיוֹן קַשְׁקָשִׁים כְּעַדֵי תִלְבָּשִׁי. \ הֶסֶן יִשׁוּעוֹת כּוֹבֵעַ
עָלִי רֵאשִׁיךָ יוֹפִיעַ, \ חֶרֶבְךָ לֹא תִדָּם, הִיא הַיּוֹסֵדָה חֶרֶב, \ לְמַעַן רוֹוֹת מִדָּם אֵיבִיבֶיךָ, \ מֵאַגְדָּתְךָ לְפִידִים יִהְלֹכוּ.¹⁴
(в транслитерации выделены ультракраткие)

At at, hoy eshet xayil, / Beyn ha-gibborim et zikhronekh samtə. / Shiryon kaskasim ka'adi tilbashi. / Xosen yəshu'ot kova' / 'āle roshekh yofia', / Xarbekh lo tidom, hi huxadda xerev, / Ləma'an rəwot mi-dam oyəvayikh, / Me'aguddatekh lappidim yahālokhu.

Вслед за М.Х. Луццато еврейско-итальянская поэзия использовала как чисто силлабические размеры, так и размеры с двойной системой метрических ограничений и компромиссные формы.

Таким образом, из титульной культуры (итальянской поэзии) были заимствованы основные размеры: (3, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12 и 13 слогов) и **правило, определяющее соответствие количества слогов в строке и рифмы** (нечетное количество слогов – женская клаузула, четное – мужская). Анализ соотношения метрических компонентов еврейско-итальянской поэзии показал, что **от квантитативной метрики унаследованы стиховые параметры, которые различимы при восприятии письменного текста** (т.к. противопоставление гласных по долготе в итальянском еврейском произношении было утрачено), **из итальянской силлабики заимствованы параметры, различимые при восприятии на слух.**

Аналогичную тенденцию можно выделить в **формировании метрики просветительской поэзии**, которое связано с именем Н.Г. Вессели. Отмечено, что Вессели повторяет стратегию итальянских поэтов: у предшествующей традиции заимствуются элементы, релевантные для письменного текста (количество слогов и вид рифмы). Основными размерами для Вессели являются силлабические 11-сложник («10.5 тенуот») и 13-сложник («12.5 тенуот»), для размеров с нечетным количеством слогов в строке постулируется женская клаузула, с четным – мужская.

В примере из «Шире тифъэрет» Н.Г. Вессели выдержан 11-сложный размер, все клаузулы женские:

אַל יוֹשֵׁב הַכְּרוּבִים נוֹרָא הוֹדִיעַ, \ גַּם רוּם גַּם תַּחֲתִיּוֹת מַעֲשֵׂה יְדִיעַ. \ גַּם חַיּוֹת וְשָׂרְפִים לְהַיּוֹת צְוִיתָ. \ אַל נוֹרָא!
מָה אָדָם כִּי תִדְעֵהוּ \ אֶת לְבוֹ תַּחֲקוֹר תְּבִין אֶת מַעֲשֵׂהוּ \ וּבְתוֹכָם לְהַיּוֹת מַעוֹן לָךְ אֲוֹתָ.¹⁵
(в скобки взяты шва и его виды, которые не учитываются при подсчете слогов):

¹⁴ О добродетельная жена, / О тебе помнят все смельчаки, / В броню чешуйчатую ты, как в украшение, облачишься, / Изобилие спасения – шлем / На голове твоей будет, / Твоему мечу не будет покоя, он будет наточен / Чтобы пролить кровь врагов твоих, / От войска твоего будут сыпаться искры.

¹⁵ Боже, сидящий на херувимах, ужасна слава Твоя, / И выси, и низины Ты сотворил. / Ты вызвал к жизни ангелов-хайот и серафимов. / О страшный Боже! Что человек [пред Тобой]? Ведь Тебе ведомо в нем все, / Сердце его Тебе ведомо, понятны все поступки его, / и в них Ты хочешь построить Себе дворец.

El yoshev ha-k(e)ruvim nora hodekha, / Gam rum gam taxtiyot ma'(a)se yadekha. / Gam xayot u-s(e)rafim lihyot tsiwwita. / El nora! Ma adam khi teda'ehu / Et libo taxqor tavin et ma'(a)sehu / U-v(e)tokham lihyot ma'on lakh iwwita.

При этом из метрики титульной культуры заимствования звучащих элементов не происходит, поскольку в титульной культуре (немецкой культуре XVIII в.) не была принята рецитация поэзии.

Новаторством просветительской поэзии, отличающим ее от предшествующих эпох в поэзии на иврите, являлись рефлексия по поводу произносительной традиции и – как результат – выбор чужого произношения. Произносительной нормой стала сефардская, не похожая на местное произношение и максимально далекая от произношения идиша: за счет положения ударения и меньшей редукции заударных, сефардская норма воспринималась как более аутентичная и правильная. Таким образом, поэзия оказалась противопоставлена другим дискурсивным практикам, в которых звучал иврит (молитве, рецитации библейских текстов в синагоге и при обучении и др.). Это же обстоятельство противопоставляло клаузулу остальной строке (в клаузуле должна быть обязательно выдержана сефардская произносительная норма, в то время как подсчет слогов в строке в целом шел в соответствии с ашкеназским произношением) и существенно сужало словарь рифм.

Следующее поэтическое поколение, чтобы противопоставить себя предшественникам, выбрало ашкеназское произношение иврита и заимствовало из русской поэзии силлабо-тоническую метрику.

Таким образом, в каждый период истории поэзии на иврите из инвентаря языка выбирались различные фонологические оппозиции, на которых строились метрические противопоставления. Оппозиции, являвшиеся ключевыми для одной эпохи, полностью теряли свою метрическую релевантность для следующей эпохи. Так, в пиюте (тоники) была актуализирована оппозиция ударных и безударных гласных и игнорировалось противопоставление по долготе. Для квантитативных размеров (в еврейско-арабской поэзии) дифференцирующим признаком являлась долгота, при этом ударение не принималось во внимание. В итальянской силлабике базовым противопоставлением была ударность / безударность (как и в пиюте), имплицитно учитывалась также долгота. Просветительская силлабика и постпросветительская силлабо-тоническая поэзия учитывали прежде всего оппозицию ударных и безударных гласных и игнорировали долготу.

Возможные модели метрической структуры поэзии на спящем языке представлены в виде следующей таблицы:

	Система стихосложения	Реликты предшествующей системы стихосложения	Подспудные тенденции	Произношение	Считаемые единицы	Актуализируемые оппозиции	Игнорируемые оппозиции

Пиют	Тоника			Сефардское (свое)	Слово	Ударение	
Еврейско-арабская поэзия в Испании	Квантитативное стихосложение	Только в религиозной поэзии	Силлабо-тоника	Сефардское (свое)	Слог / комбинация слогов	Долгота (противопоставление сверхкратких остальным гласным); маргинально - ударение (в клаузуле и, возможно) в отдельных стихотворениях)	Ударение (ударные – безударные) вне клаузулы в большинстве стихотворений, долгота (противопоставление исторически долгих и кратких)
Еврейско-итальянская поэзия	Силлабика	Сохраняется квантитатив, в религиозной поэзии – пиют	Силлабо-тоника	Сефардское (свое)	Слог / комбинация слогов	Ударение (в клаузуле), во многих стихотворениях – долгота (противопоставление сверхкратких остальным гласным)	Ударение (вне клаузулы), долгота (противопоставление исторически долгих и кратких, в ряде стихотворений – полное игнорирование долготы)
Поэзия еврейского Просвещения	Силлабика	Следование правилам силлабики (но не квантитативной метрики)	На позднем этапе – силлабо-тоника	Сефардское (чужое)	Слог	Ударение (в клаузуле)	Долгота, ударение (вне клаузулы)
Постпросветительская поэзия (поколение Бялика)	Силлабо-тоника	Нет		Ашкеназское (свое)	Слог	Ударение	Долгота

Табл. 1. Системы стихосложения, применявшиеся в поэзии на иврите как на спящем языке.

Таким образом, **каждая последующая система эксплицитно отказывается от как минимум одного элемента, свойственного системе предшествующей.** Прежняя система определяется как устаревшая, манифестируется необходимость писать как современники, **новая метрическая система преподносится как исконно еврейская:** в каждой системе находится хотя бы один формальный параметр, который можно обнаружить в библейском стихосложении (хотя в полной мере возврата к библейскому стихосложению не происходило никогда), под эгидой возврата к библейскому идеалу отвергается один из компонентов прежней метрической системы или грамматические черты прежней традиции.

В четвертой главе – «Метатекстовая и метаязыковая рефлексия и выбор дискурсивной модели» – анализируется соотношение поэтических текстов на

спящем языке с прецедентными текстами; метатекстовая и метаязыковая рефлексия ивритоязычных поэтов.

На спящем языке невозможна поэзия, существующая независимо от прецедентных текстов. Таким образом, рассматривается вопрос о соотношении новых поэтических текстов с древними (прецедентными), выбор языкового варианта и концептуализация спящего языка в поэзии.

Основным прецедентным текстом являлась Библия, однако существовали эпохи, когда круг прецедентных текстов расширялся и включал в себя также более поздние сакральные тексты (талмудическую литературу). **Эталонным же текстом** всегда оставалась только **Библия**.

Примером может служить строфа пример из основополагающего произведения еврейского Просвещения – поэмы Н.Г. Вессели «Песни величия» (1 песнь):

אָז אָמַר מוֹשֶׁל רָשָׁע הוּא מֶלֶךְ מִצְרַיִם \ "לֹא הָנָם עִם יִשְׂרָאֵל אָמְנוּ יִשְׁבוּ \ חֲלָף שְׂבָתָם בְּאַרְץ אֵת
מֶלְכָם יַעֲבֹדוּ \ עָרֵי מִסְכְּנוֹת יִבְנוּ מִבְּצָרִים לְמֶלֶךְ \ אֵת פִּיתָם יַגְדִּילוּ אֵת רַעְמָסֶס יִרְחִיבוּ \ שְׂרֵי מִסִּים אֶפְקוֹד
עַל מַעֲשֵׂיהֶם יִשְׁגִּיחוּ \ עֲצַל לֹא יִחַנוּ עַל נִרְפָּה לֹא יִחְמוּלוּ"¹⁶.

Az amar moshel rasha' hu melek Mitsrayim / «Lo xinnam 'am Yisrael ittanu
yeshevu / Xelef shivtam et malkam ya'avodu / 'are miskenot yivnu mivtsarim la-
melek / Et Pitom yagdilu et Ra'mses yarxivu / Sare missim efqod 'al ma'aseyhem
yashgixu / 'atsel lo yaxonu 'al nirpe lo yaxmolu».

Тяготение к библейскому тексту здесь проявляется на нескольких уровнях:

– на тематическом;

– на лексическом (употребляются прежде всего библейские слова, несмотря на то, что словарь Библии составляет всего около 8000 слов). Наблюдается устойчивая тенденция к редукции поэтического словаря, и один из путей преодоления нехватки слов – это особое переосмысление ряда библейских лексем, участвующих в поэтическом параллелизме и являющихся синонимами. Вессели выдвинул теорию, отрицающую существование синонимии в Библии и призывающую находить между членами параллелизма семантические различия, что позволяло «закрывать» бóльшую область значений с помощью неизменного количества лексем. При этом ценятся редкие библейские слова и формы (в данном тексте это עָרֵי מִסְכְּנוֹת – ‘города запасов’ и חֲלָף – ‘вместо’);

– на морфологическом. Просветительская поэзия использует специфические библейские глагольные формы (например, спрягаемый инфинитив שְׂבָתָם – ‘их жительство’), и т.н. паузальные формы, которые маркируют конец библейского стиха или колона. Из 7 строк в процитированном отрывке 3 содержат в клаузулах именно паузальные формы: יִשְׁבוּ, יַעֲבֹדוּ, יִחְמוּלוּ;

– на синтаксическом: в ряде строк воспроизведен библейский параллелизм:

¹⁶ Тогда сказал властитель-злодей – / царь Египта – // «Народ Израилев не будет даром / с нами жить, // [иначе]
вместо того, чтобы жить тут, / будут служить своему царю. // Пусть строят города запасов, / Царские крепости //
Пусть достроят Питом, / пусть расширят Раамсес. // Сборщиков податей я назначу / Следить за их поступками, //
Ленивого они не помилуют, / Нерасторопного не пожалеют.

אָת פִּיתָם יַגְדִּילוּ \ אָת רַעְמֶסס יִרְחִיבוּ
(Пусть достроят Питом, / пусть расширят Раамсес)

עֲצַל לֹא יִחַנוּ \ עַל גִּרְפָּה לֹא יִחְמוּלוּ
(Ленивого они не помилуют, / нерасторопного не пожалеют).

Еврейский силлабический стих цезурован, цезура делит строку пополам, и в библейских эпических поэмах получившиеся две половины стиха могут быть связаны между собой синтактико-семантическим параллелизмом.

Противоположные тенденции наблюдаются **в поэзии** **постпросветительского поколения**. Приведем в пример стихотворение Х.Н. Бялика: «בתשובתי» – «Когда я вернулся»:

שוב לְפָנַי: זָקֵן בְּלֵה, \ פָּנִים צְמֻקִים וּמְצַרְרִים, \ צַל קֵשׁ יָבֵשׁ, נֹד בְּעֵלָה, \ נֹד וְנָע עַל-גְּבֵי סְפָרַיִם. \\
שוב לְפָנַי: זָקֵן בְּלֵה, \ אֲרָגָה, סְרָגָה פְּזֻמְקָאוֹת, \ פִּיהַ מְלֵא אֵלֶה, קָלְלָה, \ וּשְׁפָתֶיהָ תְּמִיד נְעוֹת. \\
וּכְמֵאָז לֹא מָשׁ מִמְקוֹמוֹ \ חֲתוּל בֵּיתָנוּ – עוֹדוֹ הִנֵּה \ בֵּין פִּירִים, וּבְחִלּוֹמוֹ \ עַם-עֶכְפָּרִים יַעֲשֶׂה חִזָּה. \\
וּכְמֵאָז בָּאֵפֶל מְתוּחִים \ קוֹרֵי אֲרָג הָעֶפְכָּיִשׁ \ מְלֵאֵי פִגְרֵי זְבוּבִים נְפוּחִים \ שָׁם בְּזוּיֹת הַמְעַרְבִית... \\
לֹא שְׁנִיתָם מִקְדָּמְתְּכֶם, \ יִשָּׁן נוֹשָׁן, אִין חֲדָשָׁה; – \ אָבֵא, אַחֵי, בְּחֻבְרַתְכֶם! \ יַחְדּוֹ גִּרְקַב עַד-גְּבֻאַשָּׁה!¹⁷

(транслитерация в северно-ашкеназской произносительной традиции)

Suv lefonay" zokeyn bole / Ponim tseymkim u-mtseyrorim / Tsel kas yovesh, nod ke-ole,
/ Nod va-nod al-gabe sform. // Suv lefonay zkeyno bolo, / eyrgo, seyrgo puzmakoes, /
Piyo mole olo, klolo, / u-sfosaim tomid noes. // U-kh-meoz ley mosh mi-mkeymey / Xsul
beyseyynu – eydey heyze, // Beyn kiraim, u-va-xleymey / Im akhborim yaas xeyze. //
Ukh-meoz bo-eyfel msukhim / Kure erag ho-okovis. / Mlee pigre zvuvim nfluxim / Som
ba-zovis ha-marovis... // Ley suneysem mi-kadmaskhem, / Yoshon neyshon, eyn
xadosho; – / Ovey, axay, be-xevraskhem! / Yaxdov nirkav ad nivose.

Наблюдается **отход от прецедентного текста**:

– на тематическом уровне;

– на фонологическом уровне. На смену просветительской ориентации на сефардское произношение, которое считалось более близким к древнееврейскому, приходит ориентация на «народное», «современное» – ашкеназское. Стихотворение написано четырехстопным хореем с женской рифмой, и этот размер реализуется именно при ашкеназском прочтении стихотворения. Одна рифма возможна только при ашкеназском, более того, диалектном (литовском) прочтении слов: מְעַרְבִית – עֶפְכָּיִשׁ (akovis – mayrovis, ср. сефардское akavish – maaravit);

– на синтаксическом. Текст Бялика состоит по преимуществу из предложений без финитных глагольных форм, что невозможно в библейском иврите;

¹⁷ Снова передо мною: дряхлый старик, / Сморщенное, потрескавшееся лицо, / Тень – как сухая тростинка, что дрожит как лист, / Ходит ходуном над листьями книг. // Снова передо мною: дряхлая старуха, / Вяжет, плетет чулки, / Ее уста полны проклятий, / Губы всегда движутся. // И как тогда, не движется с места / Наш домашний кот – все дремлет / На печке, и во сне / Заключает договор с мышами. // И как раньше, протянуты в темноте / Нити паучьей пряжи, / Полные трупов опухших мух, / Там, в западном углу... // Вы не изменились с давних пор, / Все как встарь, ничего нового, / Приду, братья, к вам! / Будем вместе прозябать, пока не сгнием.

– на лексическом. Употреблено два небиблейских слова: מְעַרְב – вместо нормативного библейского מִן (‘запад’) – и талмудическое (греческого происхождения) פּוֹזְמָק – ‘чулок’.

Начиная с пиюта, в еврейской культуре сложилась **техника обращения с библейским текстом**, именуемая שְׁבוּיָ (шиббуц, ‘вставка’) – это отрывочная цитата из Библии (от 1 слова до стиха), включенная в текст нового произведения. В предельном случае все произведение состоит из таких отрывочных цитат.

Поэзия на спящем языке тяготеет к **центону**. Необходимость составлять свой текст из коротких фрагментов классического текста, особенно если эти фрагменты запрещено изменять, неизбежно приводит к некоторому **нарушению конвенциональных механизмов связности**. Так, во второй строке знаменитого пиюта еврейско-арабского поэта Дунаша Бен Лабрата «Дерор йикра» – וְיִנְצְרְכֶם כְּמוֹ לְבַבִּי (‘и сохранит вас, как зеницу ока’) использована сопряженная форма לְבַבִּי – вместо изолированной, которой требует здесь грамматическая норма, – поскольку в Библии это слово встречается единожды, и только в сопряженной форме. Следование за прецедентным текстом оказывается сильнее, чем соображения грамматической связности.

Однако во многих случаях авторы пиюта изменяют цитаты – употребляют лексемы в других словоформах, нежели в библейских текстах. Это может происходить тогда, когда искомое слово встречается в Библии много раз – и библейский текст позволяет построить его парадигму. Таким образом, в пиюте есть тенденции и к восприятию библейского иврита как системы, границы которой не совпадают с границами текста. **Если цитаты используются строго в неизменном виде**, даже в ущерб контекстной связности (когезии), то имеет смысл говорить о **восприятии автором языка как текста**; если же автор **изменяет цитаты и использует формы, отсутствующие в цитируемом тексте** (достраивая их по аналогии), то речь идет о **восприятии языка как системы**, которую можно расширить путем «заполнения клеток» – т.е. устранения дефектных парадигм, реконструируемых на основе цитируемого текста.

За выбором прецедентного текста следует **выбор извода языка**. Сужению круга прецедентных текстов соответствует ригористическая ориентация на библейский иврит, расширению его – создание языка поэзии, сочетающего как библейские, так и постбиблейские элементы. В этом случае иврит воспринимается как язык, который подвержен влияниям извне, от которых его нужно защищать. Ряд поэтов (Ш. Аркевольти, А.Б. Готлобер и др.) прибегают к образу языка как крепости, которую необходимо защитить: «Я пришел – и решил, что настало время создать языку нашему ограду, чтобы не был он как город, стена которого проломлена...»¹⁸.

¹⁸ Gotlober A.B. Igeres biqoyres: peles u-moyzne-mishqal ha-shiro ha-ivris be-artsoys ha-germanim ve-ha-slavim. Vilna, 1876. P. 2.

Расширению круга прецедентных текстов – в пиюте, в барочной и постпросветительской поэзии – соответствует отход от культа чистого языка, внедрение в поэтический текст элементов других изводов иврита и других языков. Таким образом, **метатекстовая рефлексия** рассматривается в работе как **соотношение двух параметров: представления об объеме корпуса прецедентных текстов и представления о мере строгости следования прецедентным текстам.**

Возможны четыре типа отношений:

	Ригоризм (отсутствие / строго ограниченные возможности модификаций фрагментов прецедентных текстов)	Относительная вольность в обращении с прецедентными текстами (широкие возможности для модификаций)
Малый корпус текстов	Еврейско-арабская поэзия, поэзия еврейского Просвещения, ранняя еврейско-итальянская поэзия	Пиют
Расширенный корпус текстов	Поздняя еврейско-итальянская поэзия	Постпросветительская поэзия

Табл. 2. Стратегии обращения с прецедентными текстами в поэзии на иврите как спящем языке.

Подобные отношения связаны с формированием образа спящего языка: чем меньше ригоризм в плане обращения с прецедентными текстами, тем в большей степени язык трактуется как живой. Кроме того, примечательно, что периоды ригоризма в области метатекстовой рефлексии коррелируют с периодами, когда попытки воспроизвести элементы библейской метрики были слабее, а периоды либерализма коррелируют с восприятием языка как системы.

Одним из факторов, определяющих выбор стратегии обращения с прецедентным текстом, является языковая ситуация в обществе. В тех случаях, когда в культуре меньшинства допускается создание текстов высоких литературных жанров лишь на языке с высоким социолингвистическим статусом, корпус прецедентных текстов поэзии на спящем языке сужается. В той же ситуации, когда вернакуляр (как в титульной культуре, так и в культуре меньшинства) приобретает функции литературного языка, объем корпуса прецедентных текстов увеличивается. В области строгости правил цитирования, как можно предположить, ведущим фактором становится языковая ситуация в титульной культуре: при наличии культа некоего языка с высоким статусом правила цитирования в поэзии меньшинства тяготеют к ригоризму, когда же такой культ отсутствует, цитирование более свободно.

В заключении подводятся итоги исследования и предлагаются модели, сводящие воедино все изученные в диссертации параметры поэтических текстов на спящем языке.

Декларируемый возврат к языку Библии неизбежно сужает круг прецедентных текстов, однако необязательно сопровождается заимствованием хотя бы одного компонента библейской метрики. В то же время, он сопровождается большей метрической строгостью и восприятием языка либо как равного тексту, либо как закрытой системы. С расширением круга прецедентных текстов коррелирует восприятие языка как открытой системы.

Результат соотнесения выделенных параметров с метаязыковой и метатекстовой рефлексией представлен в следующей таблице:

	Поэтическая традиция, в терминах которой происходит описание поэзии	Метрические параметры, заимствуемые из Библии	Круг прецедентных текстов	Концептуализация языка
Пиют	—	Цезура	Библия и талмудическая литература	Язык – открытая система, к которой можно добавлять новые категории
Еврейско-арабская поэзия в Испании	Квантитативное стихосложение		Библия	Язык = текст
Еврейская поэзия в Италии	Квантитативное стихосложение	Цезура в длинных стихах	Библия, на позднем этапе (начиная с М.Х. Луццато) – талмудическая литература	Язык – закрытая система
Поэзия еврейского Просвещения	Силлабика	Цезура в длинных стихах	Библия	Язык – закрытая система, обладающая при этом точками роста
Постпросветительская поэзия (поколение Бялика)	Силлабо-тоника	—	Библия и талмудическая литература	Язык – открытая система

Табл.3. Метаязыковая и метапоэтическая рефлексия и прецедентные тексты в поэзии на иврите как на спящем языке.

Поэтический текст на спящем языке, как текст, существующий только в соотнесении с древними текстами на том же языке и во многом состоящий из цитат, характеризуется сложной системой признаков, которые детерминируются прежде всего метатекстовой рефлексией поэтов. На нее, в свою очередь, оказывают влияние концептуализация самого спящего языка и языковая ситуация в обществе.

В следующей таблице представлена взаимозависимость метрики, устного / письменного модуса поэзии на спящем языке и языковой ситуации:

	Еврейские языки	Язык титульной культуры	Метрическая система	Метрическая система в титульной культуре	Устное – письменное бытование еврейской поэзии	Устное – письменное бытование еврейской поэзии

Пиют	Иврит, арамейский	Греческий	Тоника	Тоника	Устное	Устное
Еврейско-арабская поэзия в Испании	Иврит, еврейско-арабский	Арабский	Квантитатив	Квантитатив	Устное	Устное
Еврейско-итальянская поэзия	Иврит, еврейско-итальянский	Итальянский, латынь	Силлабика	Силлабика	Устное и письменное	Устное и письменное
Поэзия еврейского Просвещения	Иврит, (идиш), немецкий	Немецкий, русский	Силлабика	Силлаботоника	Письменное	Письменное
Постпросветительская поэзия (поколение Бялика)	Иврит, идиш, русский	Русский			Устное и письменное	Устное и письменное

Табл. 4. Взаимосвязь между метрикой, устным / письменным бытованием поэзии и языковой ситуацией.

В языковой ситуации, когда поэзия на спящем языке сосуществует с теми дискурсивными практиками на живых языках, для которых характерна рецитация, поэзия на спящем языке будет заимствовать метрические модели быстрее. В той же ситуации, когда поэзия на языках окружения не рецитируется, подобное заимствование будет происходить со значительным запаздыванием.

Данные результаты получены в процессе исследования поэзии на иврите, который представляет собой архетипический пример спящего языка. Дальнейшие исследования поэзии на других спящих языках помогут развить сформулированные положения и, возможно, скорректировать их.

Библиографический список содержит 214 наименований работ на русском, английском, немецком, французском, итальянском языках, иврите и идише.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Полян А.Л. Иврит III–XIX вв. н.э. как «спящий язык» // Вопросы языкознания. 2014, № 5. С. 67–76.
2. Полян А.Л. Выбор прецедентного текста в поэзии на «спящем» языке как механизм интерпретации (на материале поэзии на иврите XVIII–XIX вв.) // Когнитивные исследования языка. М.-Тамбов, 2014. № 19.
3. Полян А.Л. Смена метрических моделей в поэзии на «спящем языке»: случай поэзии на иврите // Вопросы филологии, 2014, № 47 (2). С. 93-99.
4. Полян А.Л. Двухязычие иврит-идиш в еврейской просветительской поэзии в Восточной Европе // Критика и семиотика. 2015. № 1 С. 236-247.
5. Азарова Н.М., Полян А.Л. Устное vs. письменное в поэзии: переосмысление традиционной бинарной оппозиции // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 251-268.
6. Полян А.Л. Выбор языкового варианта в поэзии: авангардный модус (на материале еврейской поэзии конца XIX-начала XX в.) // Языковые параметры

цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. Москва-Калуга, 2013. С. 409-416.

7. Полян А.Л. Наивная поэзия искушенных авторов: поэзия еврейского просвещения на идише // Тезисы конференции "Ломоносовские чтения». Серия "Востоковедние". 2015.

8. Полян А.Л. Еврейские языки // Носенко-Штейн Е.Э., Емельяненко Т.Г. (ред.) Евреи. Народы и культуры. СПб., 2015 (в печати).

Статьи 1-3 опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК.